

УДК 882.09

“РЕЛИГИОЗНАЯ ДРАМА” ИЛИ “ТРАГЕДИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ГЕНИЯ”? ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ Л. Н. ТОЛСТОГО В ОЦЕНКЕ С. Н. БУЛГАКОВА

М. С. Чернова

кандидат филологических наук, доцент,
Могилевский государственный университет
имени А. А. Купешова

В статье анализируются суждения религиозно-гно философа, богослова и литературного критика эпохи “религиозно-культурного ренессанса” начала XX в. С.Н. Булгакова об этическом идеале Л.Н. Толстого. Доказывается объективная и субъективная обусловленность его оценок идейных исканий писателя. Прослеживаются вскрытые Булгаковым теоретические источники учения Толстого о “самоправедности”. Отмечается литературно-критическое значение вывода Булгакова об определяющей роли этического идеала в творчестве художника. Подчеркивается актуальность православно-религиозной и нравственной оценки Булгаковым этического учения Толстого.

Ключевые слова: С.Н. Булгаков, Л.Н. Толстой, русская литература, религиозно-философская критика начала XX века, религиозно-культурный ренессанс, христианство и литература, религиозно-философские взгляды Л.Н. Толстого.

Введение

Л.Н. Толстой занимает особое место в истории русской и мировой культуры. Он всегда воспринимался не только как великий писатель, но и как идеолог, ставший, по словам Н.А. Бердяева, “побудителем совести в обществе, религиозно индифферентном или враждебном христианству” [1, с. 115]. Толстому посвящена обширнейшая научная литература. Однако и по сей день дискуссионным остается вопрос о религиозном смысле мировоззрения и творчества писателя. Обсуждение этой проблемы началось еще в конце XIX – начале XX вв., когда представители различных критических течений: марксисты и религиозные философы, символисты и интуитивисты – пытались понять “религию Льва Толстого” и уяснить суть его веры.

В современной филологической науке актуализировалась тема “христианство и литература”, при этом даже разрабатывается концепция, согласно которой русскую классическую словесность следует рассматривать как “православную по преимуществу” (В.Н. Захаров). Но как соотносить с Православием отлученного от Церкви Толстого? Некоторые исследователи и публицисты убеждены в конечном единстве христианского гуманизма и смысла нравственных исканий автора “Анны Карениной” и “Воскресения”. (В.А. Котельников, П.В. Басинский и др.). Другие, напротив,

доказывают враждебность Толстого не только православию, но и христианству вообще (Ю.Н. Давыдов, о. Г. Ореханов, А. Ткаченко).

Обращает на себя внимание тот факт, что, отстаивая свои диаметрально противоположные точки зрения, исследователи зачастую ссылаются на авторитетное сегодня мнение религиозного философа и литературного критика эпохи “культурного ренессанса” начала XX в. С.Н. Булгакова. Причем одни в качестве аргумента приводят его выводы о том, что “толстовское толкование Закона Божия как закона жизни не противоречит духу Церкви, ибо его смысл состоит в любви к ближнему”. Другие же тиражируют воспоминания Булгакова о богоухульственном выпаде Толстого в адрес Богородицы. Но цитаты, вырванные из контекста его статей, порой создают впечатление непоследовательности их автора.

В этой связи возникает необходимость проследить суждения Булгакова об этических исканиях Толстого в динамике, что позволит объективно судить об их литературно-критическом значении. Вместе с тем нельзя не признать, что сегодня эти суждения приобретают особую актуальность. Они не только дают духовный ориентир в отношении к этическому учению писателя, но и помогают противостоять новомодным, нетрадиционным для восточных славян верованиям, истоки которых обнаруживаются в социально-нравственных идеях Толстого¹.

Основная часть

Следует подчеркнуть, что литературно-критическая деятельность Булгакова была обусловлена исторической эпохой и особенностями идеологической борьбы, участником которой он был, а также его собственными философскими взглядами. Он прошел сложный путь “от марксизма к идеализму”, а затем к церковности. И эта духовная эволюция непосредственным образом отразилась на его оценках русской литературы и творчества Толстого, в частности.

Булгаков был не только современником Толстого, но и неоднократно виделся и беседовал с ним. Первая их встреча состоялась в Москве в 1897 г. В дневнике А.Б. Гольденвейзера есть следующее свидетельство: “Был у Толстых, там был С.Н. Булгаков-марксист. Лев Николаевич был в ударе и очень горячо, страстно спорил с Булгаковым, явно отстаивавшим свои марксистские положения. Диалектика Льва Николаевича одержала верх, и Булгаков аргументировал все слабее и слабее <...>”. Позже в примечаниях к этой записи Гольденвейзер добавил: “Я глубоко убежден, что эта беседа была одним из сильнейших толчков, заставивших Булгакова

¹ См. Кураев, А. Сатанизм для интеллигенции. О Рерихах и Православии / А. Кураев. – Москва : Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2007. – 562 с.

вскоре отказаться от марксизма и пойти по совершенно иному, хотя и весьма далекому от Льва Николаевича, пути" [2, т. 1, с. 7–8].

Ссылаясь на эту запись, а также примечания, сделанные Гольденвейзером более чем через двадцать лет, некоторые современные исследователи делают необоснованный вывод о том, что именно влияние Толстого "способствовало разрушению его старых воззрений" [3, с. 347]. "Старые воззрения" – это не религия, а экономическое учение К. Маркса, сторонником которого Булгаков был в молодые годы.

Однако мемуарист не приводил подробностей описанной беседы. Нет свидетельств о ней и у самого Булгакова. Поэтому нельзя с уверенностью судить о значении первой встречи с Толстым в мировоззренческой и, особенно, духовной эволюции Булгакова. Тем более, что резкий поворот "от марксизма к идеализму" в "Автобиографических заметках" он сам объяснил двумя причинами: любовью к Иисусу Христу и духовным влиянием Вл.С. Соловьева и Ф.М. Достоевского.

Впервые имя Толстого появилось в статье Булгакова "Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев и Толстой (параллели)" (1902). В этой работе он затронул вопрос о социальном значении творчества писателя². Подробно анализировать религиозные взгляды Толстого Булгаков начал лишь после его смерти в 1910 г. Интересно отметить, что даже его 80-летний юбилей, широко отмечавшийся в 1908 г., Булгаков оставил без внимания.

Этот факт во многом объясняет их вторая встреча и беседа, состоявшаяся в Гаспре в 1902 г. В "Автобиографических заметках" Булгаков вспоминал: "Я имел неосторожность выразить свои чувства к Сикстине, и одного этого упоминания было достаточно, чтобы вызвать приступ задыхающейся, богохульной злобы, граничащей с одержимостью. Глаза его загорелись недобрым огнем, и он начал, задыхаясь, богохульствовать. «Да, привели меня туда, посадили на железный скамья для пыток, я тер ее, тер же... ничего не высидел. Ну что же: девка родила малого, девка родила малого, только всего, что же особенного?» И он искал еще новых кощунственных слов, тяжело было присутствовать при этих судорогах духа" [4, с. 391].

"Судороги духа" Толстого были вызваны рассказом Булгакова о пережитом душевном потрясении, заставившем его "молиться и плакать", перед Образом "Царицы Небесной с Предвечным Младенцем на руках", созданным итальянским художником Рафаэлем Санти. Од-

² О Толстом как о еретике в это время рассуждал Д.С. Мережковский. Он констатировал неверие писателя в "христианского личного Бога и в Единородного Сына Божия" и "отпадение Толстого от христианства" (Мережковский, Д.С. Л. Толстой и Достоевский : в 2 т. – Санкт-Петербург : Издательство журнала "Мир искусства", 1901–1902. – Т. 1. – С. 68).

нако, увидев эту картину вновь через четверть века, Булгаков испытал глубочайшее разочарование и даже вынужден был признать относительную правоту Толстого. Теперь и автор воспоминаний увидел не икону, а лишь гениально выполненное изображение прекрасной земной женщины с ребенком. Дело в том, что к 1924 г. у Булгакова окончательно сложилась философско-эстетическая концепция. Согласно ей истинная красота мудра, возвышенна, целомудренна и оптимистична³. В этом смысле образцом христианского искусства Булгаков считал русскую православную икону, а в искусстве Возрождения усматривал господство эстетики формы и "земной телесности, лишенной духа".

Однако Булгаков так и не смог простить "яснопольному старцу" богохульственных речей о Богородице. После той беседы у него надолго сохранилось неприязненное отношение к Толстому, а "Крейцерову сонату", "Дьявола" и "Отца Сергия" критик воспринимал тоже как "судороги духа" их автора. И лишь смерть Толстого заставила Булгакова обратиться к осмыслению его идейного наследия и творчества.

В 1912 г. Булгаков подготовил коллективный сборник статей известных в то время критиков "О религии Льва Толстого", куда поместил и свои опубликованные ранее, в 1910 г., лекции "На смерть Толстого", "Толстой и Церковь", "Человек и художник". Эти работы, а также его статья "Простота и опрощение" составили цикл под единым названием "Л.Н. Толстой". Для Булгакова, все больше склонявшегося к "церковности", идейные искания писателя явились поводом для обсуждения причин, сути и следствия ревизии христианства, распространившейся среди российской интеллигенции.

В статье "Героизм и подвижничество" (1909) Булгаков резко выступал против "христианствующего интеллигента", который "всего легче чувствует себя Мартином Лютером, <...> призванным не только обновить церковную жизнь, но и создать новые ее формы, чуть ли не новую религию" [5, т. 2, с. 332]. К числу "пророков новой религии" Булгаков не без основания отнес и Толстого. При этом он вскрыл неожиданную и, на первый взгляд, парадоксальную связь между революционным демократом В.Г. Белинским и сторонником учения "непротивления злу насильем" Толстым. Суть этой связи – в недопустимо произвольном толковании Христа и его учения.

Булгакову было глубоко чуждо представление "неистового Виссарiona" о Христе как о революционере, отдавшем жизнь за идею

³ Проблемы философско-эстетической концепции Булгакова и ее определяющей роли в оценках литературных явлений рассматривались в наших статьях "С.Н. Булгаков о сущности искусства" (Вестник МДУ імя А.А. Куляшова. – 2000. – № 4 (7). – С. 85–91), "В нем говорит нам русская душа..." (С.Н. Булгаков об А.С. Пушкине) (Вестник МДУ імя А. А. Куляшова. – 1999. – № 2-3(3). – С. 13–17).

социальной справедливости. Он считал недопустимой ошибкой и попытки Толстого свести христианство к практической морали. Сравнив содержание письма Белинского к Н.В. Гоголю и основные идеи теоретических трактатов Толстого "Христианское учение", "Путь жизни", "В чем моя вера?", "Царство Божие внутри нас" и др., Булгаков пришел к выводу: Белинский и Толстой, при всем глубочайшем различии их убеждений, явились выразителями одной и той же тенденции – вульгаризации Христа.

В статье "Толстой и Церковь" критик пояснил, что Толстого постигла драма Ивана Карамазова, причина которой состояла в невозможности "земным, эвклидовым умом" разрешить проблему теодицеи. Величие писателя, заметил Булгаков, "во всех его не", в нравственном протесте против социальной несправедливости. Однако Толстой, как и герой Достоевского, не принимая мира Божьего, перелутал Творца с "тварным миром". Провозгласив равенство всех людей не в Боге, но в природе, Толстой искал разрешение всех противоречий в уничтожении, прежде всего, социального зла [4, с. 12].

"Простота и опрощение" занимает особое место в цикле статей Булгакова "Л.Н. Толстой". Очевидно, что все более осознаваемая пропасть между собственным идеалом и этическим идеалом Толстого обусловила категоричность выводов, которые Булгаков сделал в этой работе. Ее автор снова отметил остроту социальной критики, прозвучавшей со страниц произведений писателя. Но теперь, сославшись на его "Исповедь", Булгаков уточнил, что "социальный нигилизм", т. е. отрицание всех государственных институтов и Церкви, в том числе, явился не причиной, а следствием философских и религиозных исканий Толстого.

Как известно, автор "Исповеди" признавался, что страх смерти заставил его обратиться "взыскующий взор" на простых крестьян: они не мучились неразрешимой проблемой бессмысленности бытия и в надежде "на жизнь вечную за гробом" не боялись умереть. Толстому казалось, что простым людям открыт тайный и высший смысл жизни: они знают, что заслужить бессмертие души можно, если "отречься от всех утех жизни, трудиться, смиряться и быть милостивым" [6, с. 153]. Чтобы постичь этот высший смысл, Толстой и пытался разделить с крестьянами жизнь, труд и их веру.

Булгаков расценил подобное "опрощение" лишь как формальность. В толстовском "опрощении", по его убеждению, не было "простоты" истинно верующего человека. Безусловная народная христианская вера в бессмертие души была Толстому непонятна, а потому отвергнута. Зато бессмертие как *идея*, что во многом было обусловлено влиянием философии А. Шопенгауэра, стала краеугольным камнем философско-нравственных исканий писателя.

Тема "Л. Толстой и А. Шопенгауэр" выходит за рамки данной работы. Следует лишь отметить, что Толстой интерпретировал *идею бессмертия* по-своему. Необходимым условием ее осуществления он считал "жизнь для людей", а само бессмертие видел «в единении с другими людьми».

Булгакову, как человеку православному, все эти философские построения Толстого представлялись умозрительными, сконструированными, искусственными. Поиски писателем бессмертия не на небе, но на земле создали пропасть между ним и народом, а "опрощение" не смогло избавить его ни от страха смерти, ни от религиозного индифферентизма. Вот почему Булгаков назвал "опрощение" Толстого "бутафорским, до известной степени средством лечения, вроде шведской гимнастики". Писатель никогда не знал ни нужды, ни голода, ни настоящей зависимости от тяжелого физического труда. За Толстым, кроме всего прочего, стоит "вековая барская культура, образование да, наконец, и его гений", – заключал автор статьи [7, с. 121–122].

На первый взгляд, эти суждения Булгакова совпадают с оценками революционно ориентированной критики стремлений Толстого "слиться с народом". В 1869 г. Н.К. Михайловский заявил, что "кающийся дворянин" Толстой не смог преодолеть родимых пятен своего социального происхождения [8, с. 179]. Позже В.И. Ленин, назвав Толстого "помещиком, юродствующим во Христе", тоже усмотрел в его "опрощении" элемент фальсификации, суть которой в неискреннем публичном покаянии русского интеллигента в нравственных пороках [9, с. 209].

Однако эти совпадения кажущиеся. Булгаков разделял точку зрения Достоевского, который писал об "опрощающемся" герое романа "Анна Каренина" и его авторе: "Вот эти, как Левин, сколько бы ни прожили с народом, но народом вполне не сделаются, мало того, во многих пунктах так и не поймут его никогда вовсе, мало одного самомнения, или акта воли, да еще столь причудливой, чтобы захотеть и стать народом" [10, с. 205].

В отличие от народников и марксистов, Булгаков признавал нравственным и верным исходный пункт духовных исканий писателя. Но он считал ложным метод, каким Толстой "добывал Бога". Как и Достоевский, Булгаков был убежден, что "стряхнуть с себя грех истории, социальный, а вместе и свой личный грех невозможно никакими опрощениями, никаким внешним действием, он изглаживается лишь покаянием перед Богом, искупается лишь Божественной кровью" [7, с. 122]. Подтверждение тому Булгаков нашел в Зосимовой пустыни, где в молитве у ног Спасителя он видел духовное единение людей разных сословий.

В 1910-е гг. в литературной критике и публицистике наиболее обсуждаемым оставался

вопрос об идеале Толстого. В лекции-статье "Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л.Н. Толстого "Дьявол" и "Отец Сергей" (1912) Булгаков предпринял попытку вскрыть его теоретические истоки. В первой части работы автор указал на целый ряд известных философских и религиозных учений, так или иначе повлиявших на этические искания писателя. При этом Булгаков обратил особое внимание на их обусловленность рационализмом и учением о "естественном человеке".

"Вера в разум как орган непогрешимости" стала причиной враждебности Толстого "идее откровения"; "сверхразумность веры" расценивалась им как "извращения разума", что в свою очередь приводило к неприятию Церкви и церковных таинств, сомнению в Божественной сущности Христа и как итог – к отрицанию Бого-человека, но признанию человекобога. А вера в "естественного человека", "извращенного лишь соблазном и обманом общества", давала писателю основание уповать на "силу собственной воли" в борьбе с грехом, что и вело к отрицанию христианства вообще [5, т. 2, с. 10].

Толстовская "религия человекобожия" (учение о "самоправедности" и "самоспасении") логически уводила писателя от православия, но вела к протестантизму. Следует уточнить, что в данном случае Булгаков имел в виду одно из течений в протестантизме – иезуизм с его религиозным утилитаризмом как "почитанием Иисуса во имя социологической целесообразности" не Богом, а пророком, и внецерковным индивидуализмом⁴.

В лекции-статье "Человекобог и человекозверь" Булгаков проиллюстрировал обусловленность позднего творчества Толстого именно этим, антихристианским по своей сути, идеалом. Во второй ее части он сопоставил изображение одного и того же объекта – народную толпу вокруг Оптинского старца о. Амвросия – двумя художниками: Толстым в повести "Отец Сергей" и Достоевским в "Братьях Карамазовых". Булгаков считал, что "обмирщенный", "пишущий религиозно-мистической окраски" идеал Толстого обусловил его равнодушие, если не сказать, презрение к обыкновенному человеку, столь непохожему на сконструированный им тип "естественного человека"⁵. Отсюда высокомерное и почти брезгливое описание странников, богомольцев, сырых крестьян и крестьянок, "давно знакомых и неинтересных о. Сергию". Совершенно по-другому изобра-

жены в "Братьях Карамазовых" женщины, прошедшие в монастырь под Скотопригономьевском, и искренне сочувствующий им старец Зосима. Он, учивший Алешу: "Кто любит людей, тот радость их любит", не мог остаться безучастным даже к самым обыденным заботам своих прихожан. "Братья Карамазовы" и "Отец Сергей" – это "духовные плоды двух религий": веры Достоевского в живого Христа и веры Толстого в "поправленное" учение Христа, – считал критик. Поэтому последние произведения Толстого он охарактеризовал как "тьма, мрак, подземелье".

Заключение

Конечно, нельзя не признать, что в данном случае публицистические и религиозно-просветительские цели подчинили себе литературно-критический анализ. Но важно другое: Булгаков однозначно определил свое отношение к этому сложному, противоречивому, но и великому явлению русской культуры: "Мы не пойдем здесь за Толстым – религиозным проповедником", ибо "мрак души о. Сергия" не должен и не может "заслонить свет старца Зосимы" [5, т. 2, с. 47]. Эти заключительные слова Булгакова о Толстом звучат как завет тем, кто пытался прежде и пытается сегодня найти ответы на вечные вопросы: "Бог и мир", "Бог и человек" – у мыслителя и художника, который вовсе не взывал: "Верую, Господи! Помоги моему неверию".

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS 1955 г. / Н. А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
2. Гольденвейзер, А. Б. Вблизи Толстого / А. Б. Гольденвейзер. – Москва: "Кооперативное издательство" издательство "Голос Толстого", 1922. – 488 с.
3. Салов, В. В. Христианская социология С. Н. Булгакова / В. В. Салов, А. Ф. Филиппов // С. Н. Булгаков: философия хозяйства; В. В. Салов (ред.). – М.: Наука, 1990. – С. 345–384.
4. Булгаков, С. Н. Тихие думы. Статьи и очерки разных лет / С. Н. Булгаков. – М.: Республика, 1995. – 509 с.
5. Булгаков, С. Н. Сочинения: в 2 т. / С. Н. Булгаков. – М.: Наука, 1993.
6. Толстой, Л. Н. Исповедь / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений: в 22 т. – М.: Художественная литература, 1978–1985. – Т. 16. – 1983. – С. 106–166.
7. Булгаков, С. Н. Простота и опрощение / С. Н. Булгаков // О религии Льва Толстого. – М.: Путь, 1912. – С. 114–141.
8. Михайловский, Н. К. Десница и шуйца Льва Толстого / Н. К. Михайловский // Ли-

⁴ Об иезуизме Булгаков писал в статье "Кризис христианства в современном протестантизме" (Русская мысль. – 1911. – № 9. – С. 44–48).

⁵ Интересно, что подобную мысль высказал М. Горький: "Он, (Толстой. – М.Ч.), часто казался мне человеком непоколебимо – в глубине души своей – равнодушным к людям" (Максим Горький. Лев Толстой / Максим Горький // Избранное. – Москва: ЭКСМО, 2003. – С. 50).

тературно-критические статьи. — М. : Гослитиздат, 1957. — С. 58–181.

9. **Ленин, В. И.** Лев Толстой как зеркало русской революции / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. — Пятое издание. — М. : Издательство политической литературы, 1965–1975. — Т. 17. — 1968. — С. 206–213.
10. **Достоевский, Ф. М.** Дневник писателя. 1877 год. Июль–август. Глава третья / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. — Ленинград : Наука, 1972–1989. — Т. 25. — 1983. — С. 206–224.

Поступила в редакцию 22.12.2015 г.
 Контакты: masha.70@mail.ru
 (Чернова Мария Станиславовна)

Chernova M.S. "RELIGIOUS DRAMA" OR "TRAGEDY OF ARTISTIC GENIUS"? L.N. TOLSTOY'S ETHICAL IDEAL ASSESSED BY S.N. BULGAKOV.

The article displays the opinions of the religious philosopher, theologian and literary critic S.N. Bulgakov on L.N. Tolstoy's ethical ideals. The objective and subjective conditionality of his assessments of the writer's findings is proved. Uncovered by Bulgakov theoretical sources of Tolstoy's doctrine of "self-righteousness" are traced. The importance of Bulgakov's conclusion on the determining role of the ethical ideal in the writer's work is noted. The relevance of the Orthodox religious and moral assessment of Tolstoy's ethical teachings pointed out by Bulgakov is stressed.

Key words: S.N. Bulgakov, L.N. Tolstoy, Russian literature, religious and philosophical criticism of the early XX century, religious and cultural renaissance, Christianity and literature, religious and philosophical views of L.N. Tolstoy.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.М. Горькова